

М

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И КОНСТИТУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вадим Маркович

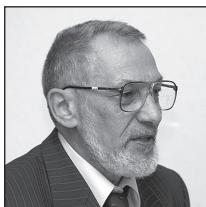
Розин — доктор фило-
софских наук, профессор,
главный ведущий науч-
ный сотрудник Института
философии РАН.

E-mail:

rozinvm@gmail.com.

В статье обсуждаются особенности междисциплинарных исследований, а также две стратегии задания и сборки объектов этих исследований — онтологическая и конструктивистская. Первая стратегия, идущая от Парменида и Аристотеля, кладет в основание сборки гомогенную онтологию, вторая, ее замысел принадлежит Платону, исходит из того, что сборка объекта междисциплинарного исследования осуществляется мыслящим индивидом. В монодисциплинарных исследованиях, входящих в междисциплинарные, как и в любой науке, строятся идеальные объекты, но последние не полностью удовлетворяют (часто не удовлетворяют вообще) требованиям, характерным для определенного типа науки. Поэтому нельзя сказать, к какой онтологии эти объекты принадлежат. Вторую особенность междисциплинарных исследований можно назвать «органичность»: в междисциплинарных исследованиях монодисциплинарные работают друг на друга в том смысле, что одни задают начальные условия или просто создают условия для других. Если принять указанное различие онтологической и конструктивной стратегий сборки целого, то приходится переосмыслить понимание предельных онтологий типа «ризом», «диспозитив», «сложность», «саморазвивающиеся системы». Обычно они трактуются именно как онтологии. Но фактически это онтологии только по установке, реально же (т.е. если считать, что вторая стратегия более верно отражает работу мышления) эти представления вводятся как раз с целью запрета первой стратегии. Автор вышел на конструктивистскую стратегию сборки целого, осмысляя (реконструируя) явления техники, науки, любви, мышления. Назвал он эту стратегию «соотносительный и топический анализ». Соотносительный анализ выражает новый подход к изучению перечисленных популяционных сложных объектов — одновременное рассмотрение сторон («топов») этих объектов. Под топом автор понимает определенный срез (план) социальности, с одной стороны, с точки зрения изучения, выступающий как самостоятельная реальность, с другой — тесно связанный с другими топами, выступающими как необходимые условия существования данного топа. В соотносительном анализе исследователь в процессе реконструкции нащупывает нужные ему топы, уточняя одновременно процедуры реконструкции. Последняя часть статьи посвящена анализу эпистемических критериев истинности и эффективности знаний междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: методология, различение, онтология, мышление, междисциплинарное исследование, дисциплина, знание, ризом, диспозитив, разум.

T

THE METHODOLOGY OF LEARNING AND CONSTITUTION OF REALITY IN INTERDISCIPLINARY STUDIES

Vadim Rozin — Ph.D. in
philosophy, professor, chief
research fellow, Institute
Philosophy, Russian Acade-
my of Sciences.

The article discusses specific features of an interdisciplinary research and two strategies for introducing and constructing the objects of this research (an ontological and a constructivist strategy). The first strategy, which comes from Parmenides and Aristotle, is claimed to make a homogenous ontology a foundation of the process of the object construction. The second strategy, which comes from Plato, is based on the idea that the construction of an object is done by a thinking individual. Monodisciplinary research (as a part of interdisciplinary

research) is characterized by a construction of idealized objects which cannot fully meet the requirement of a certain type of science. This is why it is hard to say what kind of science these objects belong to. The second feature of interdisciplinary research has to do with the interrelatedness of monodisciplinary studies. Monodisciplinary studies create the starting conditions for each other. The author argues that if the distinction between the two strategies is accepted, then a thorough reconsideration of ultimate ontologies (such as "rhizome", "complicatedness", "self-developing systems") is called for. The last part of the article is devoted to an analysis of the epistemic criteria of knowledge in interdisciplinary studies, its truthfulness and effectiveness.

Key words: ????

На мой взгляд, нужно различать два разных понимания исследования. Первое можно назвать *современным институциональным*, второе — *традиционным эпистемологическим*. С институциональным пониманием исследования мы связываем такие характеристики, как качество, ограниченные сроки и ресурсы, необходимость организации (управления) и оценки результатов исследования. Примером подобных исследований выступают научные и инженерные исследования, под которые выделяются бюджетные или другие (гранты, договоры) средства, указываются сроки начала и окончания научных работ, предъявляются требования качества исследований, осуществляется экспертиза проведенных исследований.

Традиционное эпистемологическое исследование (научное или философское) представляет собой процесс познания (мышления), целью которого является получение нового знания, решение актуальной проблемы, построение нового представления о феномене, которое осуществляется мыслителем на свой страх и риск, причем неважно дома или на работе (пусть даже она считается плановой).

В отличие от научного или философского исследования, с которыми мы связываем мышление и творчество, поиски, удачи и неудачи, различные процессы (построение экспериментов, рассуждения и доказательства, решение задач, изложение результатов и пр.), наука представляет собой рефлексию над сложившимся полем исследований, позволяющую выделить и охарактеризовать их специфику, основные средства и понятия, онтологические представления. Проводя аналогию с речью и языком, можно сказать, что исследования — это синтагматика научного или философского мышления, а наука — его парадигматика. Действительно, осуществляя, например, гуманитарное исследование, гуманитарий в той или иной степени ориентируется на известные ему представления гуманитарной науки. Так, последователи М. Бахтина стараются реализовать в своем исследовании (познании) субъект-субъектные отношения и идею диалога, предоставить голос изучаемому субъекту, рассматривать его в контексте понимания (интерпретации) создаваемых им текстов и пр. [Розин, 2008].

Но все оказывается проблематично и непросто в комплексных науках и междисциплинарных исследованиях, ведь здесь нет одной

науки (дисциплины), на которую может ориентироваться исследователь. Наук несколько, причем какие нужно привлекать, часто выясняется только в самом процессе исследования. Логика исследования и понятия при смене научной дисциплины на разных этапах меняются. Получается, что синтагматика в междисциплинарных исследованиях вроде бы одна, а парадигматик много. Спрашивается, каким образом исследователь может в них ориентироваться, где здесь целое, каким образом он разворачивает свою мысль?

Вот, например, З. Бауман ведет исследование холокоста [Бауман, 2010]. Что здесь целое в плане изучения? Холокост только имя трагедии, а каков объект? Выясняется, что объектов изучения много: исторические предпосылки антисемитизма, состояние немецкой демократии, процесс захвата власти нацистами, характер немецкой бюрократии и государства, расистские концепции и их реализация, трансформация индивида и личности в социальных машинах и экстремальных ситуациях, перерождение общества и др. Чем связаны эти объекты помимо того, что они выступают сторонами холокоста? Можно ли говорить, что все они принадлежат «социальности» как предельной онтологии социальной науки (аналогично тому, как объекты естественных наук принадлежат «природе»)? Можно ли вообще здесь говорить о социологии, ведь Бауман скорее критикует традиционные социологические представления, чем использует их. Зато он оперирует понятиями, относящимися к другим, не социологическим дисциплинам, а традиционные так видоизменяет, что многие социологи вряд ли с этим согласятся.

Понятно, почему практически во всех науках все больше переходят к междисциплинарным исследованиям. Осмысление получается более объемным и убедительным, но главное, конечно, в другом — развитие философии и методологии науки позволило деконструировать объекты разных наук, установить их сходство и специфику, создало возможность переходить от одной научной дисциплины к другой, создав тем самым предпосылки для формирования нового онтологического видения, позволяющего за одним онтологическим планом видеть другие, за процессом — его предпосылки и условия. В результате современный ученый ведет свое исследование в ментальном пространстве, образованном разными научными дисциплинами¹. При этом непонятно становится, что происходит с научными дисциплинами, которые работают на междисциплинарные исследования, можно ли в данном случае говорить о предельной онтологии, сохраняется ли возможность опознавать то или иное междисциплинарное исследование

¹ Здесь, естественно, встает и такой вопрос: а можно ли считать комплексную науку наукой. Действительно, если не ясен объект, который она изучает, если нет какого-то одного познавательного подхода и единого метода, а, напротив, их множество, то в каком тогда смысле мы говорим о комплексной науке как науке?

как принадлежащее к определенному типу наук (например, по-прежнему говорить о социологических или более широко социальных науках и исследованиях).

Попробуем начать обсуждение с некоторых из этих проблем. По сути, нужно рассмотреть четыре основных вопроса. Первый, можно ли выделить общую логику исследований в комплексных науках (будем дальше называть их традиционно междисциплинарными), например сравнительно с логикой исследований в гуманитарных или естественных науках? Второй, что происходит с монодисциплинарными формами мышления (естественно-научными, гуманитарными, историческими и др.), когда они используются в рамках междисциплинарных исследованиях? Третий, какова логика конституирования целого (реальности), например в случае теоретического осмысления явлений типа холокост или социальность? Наконец, четвертый, как можно охарактеризовать эпистемологический статус знаний, полученных в междисциплинарных исследованиях?

Обсуждая первый вопрос, буду придерживаться следующей стратегии: сначала попробую понять, как эту проблему решают другие исследователи, для примера возьму конкретные исследования: З. Баумана («Актуальность холокоста»), Б. Латура («Пересборка социальности: введение в акторно-сетевую теорию») и П. Грина («Александр Македонский»), затем — каким образом сходные проблемы решаю я сам. Итак, есть ли у Баумана общая стратегия и логика решения поставленных им задач? Если и есть, то она не просматривается, налицо явно историко-культурные проходы, институциональный анализ, анализ бюрократии, социально-психологический и философско-методологический дискурсы. Возможно, именно последний дискурс задает общую логику мысли Баумана, возможно, за ней стоит просто большая культура научного мышления — не знаю. Примерно то же самое приходится сказать о логике Латура. Более понятна стратегия мысли Грина: она определяется сочетанием исторического подхода с социально-психологическим, но и здесь автор «Александра Македонского» ничего о ней не говорит [Бауман, 2010; Латур, 2014; Грин, 2003].

Отчасти непроявленность общей стратегии исследования в анализируемых работах объяснима, ведь все три автора — не методологи и у нет задачи рефлексировать и предъявлять логику своей мысли. Хотя, конечно, как у всякого ученого, у них существует установка разворачивать свою мысль правильно. В отличие, скажем, от Баумана или Латура я позиционирую себя не только как ученого, но и методолога, поэтому обязан рефлексировать и описывать свою мысль. Так вот, исследуя явления не менее сложные, чем те, которые обсуждали три наших автора (мои исследования были посвящены осмыслению феноменов любви, техники, науки, мышления), я реализовал две основные стратегии — «культурно-исторической реконструкции» (в ММК в период

построения содержательно-генетической логики эта стратегия получила название «метод псевдогенетического анализа») и «диспозитивного анализа» [Розин, 2011: 81–102; Розин, 2014: 70–75]. Их нельзя рассматривать как точные методы, это скорее ориентиры и возможные направления исследования. Каждое новое явление, к которому мы приступаем, испытывает на прочность данные стратегии мышления. Кроме того, часто выясняется, что их надо продумывать и устанавливать заново. В таком случае эти стратегии приходится пересматривать довольно существенно. Более важны общие установки и различия. Например, что явления рассматриваются как становящиеся и развивающиеся². Что для их понимания и объяснения нужно анализировать проблемы и дискурсы. Что при этом используются разные научные дисциплины. Что теоретические положения часто гетерогенны (ср. понятие «диспозитив» у Фуко). Что осмысление новых явлений нередко предполагает разработку и новой методологии (в этом смысле я близок к установкам феноменологов относительно «беспредпосылочного мышления» и «основоположений»). И другие.

Перейдем теперь ко второму вопросу — что происходит с монодисциплинарными формами мышления (естественно-научными, гуманитарными, историческими и др.), когда они используются в рамках междисциплинарных исследований. Стоит отметить три момента. Первый: монодисциплинарные исследования, если смотреть на них с точки зрения нормы (стандарта) этих типов исследования, реализуются только частично. Например, известно, что нормой естественно-научного подхода является не только анализ механизмов природных явлений, но и построение математических моделей этих явлений, а также разработка и проведение эксперимента, в котором эти механизмы и модели уточняются и подтверждаются [Розин, 2007].

Однако мы видим, что Бауман, описывая механизм холокоста, включающий социальную технологизацию, действия бюрократических нацистских институтов, трансформацию в них индивидов и немецкого общества, не пользуется математикой, нет в его работе и экспериментов. Реализуя гуманитарный подход, он, о чем мы говорили, хотя и предоставляет голос разным участникам холокоста, но не выполняет другие необходимые требования, например сознательно не строит диалог с этими участниками (два духа, познаваемый и познающий, писал Бахтин, взаимодействие духов). Соответственно Латур вроде бы реализует принципы феноменологического анализа, однако не всегда последовательно.

² Реконструкция *становления* явления предполагает его объяснение как *новообразования*. В этом смысле изучаемое явление нельзя рассматривать как получившееся из предыдущего состояния этого явления, оно именно становится, складывается впервые. Напротив, реконструкция *развития* предполагает задание явления и разных его состояний, причем одни состояния (как бы более развитые) получаются из (на основе) других его состояний (менее развитых).

Означает ли сказанное, что частичная реализация норм монодисциплинарных исследований не позволяет вести научное познание? Нет, позволяет, их результатом и в данном случае является построение идеальных объектов, однако не тех, которые предписаны нормами соответствующих научных дисциплин. Например, Бауман получает описание механизма холокоста, представленного в форме идеальных объектов, но это не объекты математики. Не подкрепляет построение идеальных объектов Бауман и экспериментами. За пределами теоретического анализа, скажем в сферах образования или политики, его теоретические построения могут быть использованы только как схемы, а не модели.

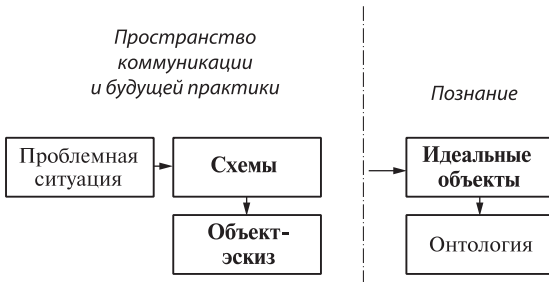
Поясню, каким образом в познании связаны между собой схемы и идеальные объекты. Мой анализ становления науки показывает, что предварительные характеристики идеальных объектов нащупываются в процессе построения схем. Однако, поскольку схемы относятся к пространству коммуникации, а не познания, на основе, так сказать, «эскизных» идеальных объектов строятся уже полноценные идеальные объекты, относящиеся к определенной научной онтологии (нередко такая онтология одновременно и конституируется)³. Например, предварительные характеристики своей будущей концепции психики, представленной в форме сложного идеального объекта (он включал в себя три инстанции психики — сознание, предсознание и бессознательные сексуальные влечения, а также процессы и силы сопротивления и вытеснения), Фрейд получает, строя ряд схем (психической травмы, изоляции области сознания, связанной с этой травмой, которую он и назвал бессознательной, схему сопротивления и др.). Эти схемы я назвал «психотехническими: они были добыты в результате объективации и схематизации психотерапевтических процедур, нащупанных Фрейдом при общении со своими пациентами. Подобные психотехнические схемы и знания позволяли осмыслить и объяснить как проявления психической деятельности больного, так и то, почему помогает гипноз или метод “свободных ассоциаций”.

³ Ср.: А.П. Огурцов, признавая указанную мною функцию схем служить мостом, соединяющим проблемы исследователя с представлением о новой реальности, разводит схемы и концепты и характеризует их следующим образом. Он пишет, что главенствующие тип и функции для концепта «быть выражением авторской инновации, для схемы — быть первым шагом в ее переходе к признанию микросообществом и научным сообществом». «Концепт и является той эпистемологической характеристикой, которая позволяет понять авторское начало в произведениях ученого, осмыслить мотивацию его деятельности и смысл, вкладываемый в ту или иную инновацию». Или: «Важно не подменить коммуникативную функцию схем, позволяющих в упрощенном виде представить исследуемое многообразие (заметим, пока еще не идеальный объект, а многообразие. — В.Р.), их производной и неспецифичной функцией — будь то онтологической репрезентацией понятий и идеальных объектов теории, будь то способами описания результатов когнитивной деятельности» [Огурцов, 2012: 54–55, 13, 16].

Хотя “строительный материал” и теоретические “конструкции” брались Фрейдом из научных онтологий (метаязыков физики, биологии, психологии), план сборки подобных психотехнических схем и сами отношения были получены в ходе объективации и схематизации психотерапевтической практики. Важно, что она включала в себя не только эмпирически наблюдаемые отношения (феномен сопротивления, связь гипноза или метода “свободных ассоциаций” с изменением состояний пациента и т.д.), но и различные высказывания пациента, которые нужно было понять психотерапевту. С другой стороны, психотехнические схемы и знания были получены не только при обработке отношений, наблюдаемых в психотерапевтической практике, но и априорно, исходя из физикалистской и психологической онтологии» [Розин, 2006: 13–33].

На следующем этапе Фрейд, опираясь на психотехнические схемы и знания, строит известную концепцию психики, содержащую три инстанции (сознательную, предсознательную и бессознательную). В этой концепции представлен сложный идеальный объект: он оторван от эмпирического материала и отнесен к особой действительности — психике человека как таковой. Элементы (инстанции) психики и их связи (конфликт сознательного и бессознательного, отношение вытеснения, а также выход вытесненных структур в сознание) являются, с одной стороны, конструктивными, с другой — репрезентирующими факты, с третьей стороны, они удовлетворяют логическим критериям (требованию непротиворечивости и научного объяснения, конечно, как их понимает Фрейд). Обобщая, можно указать на следующую закономерность:

Так вот, возвращаясь к нашей теме, можно утверждать следующее. В монодисциплинарных исследованиях, входящих в междисциплинарные, строятся идеальные объекты, но последние не полностью удовлетворяют (часто не удовлетворяют вообще) требованиям, характерным для определенного типа науки. Поэтому нельзя сказать, к какой онтологии эти объекты принадлежат.

Вторую особенность междисциплинарных исследований можно назвать «органичность». В междисциплинарных исследованиях мо-

нодисциплинарные работают друг на друга в том смысле, что одни задают начальные условия или просто создают условия для других. Например, в рамках исторического анализа Бауман показывает, что евреи, с одной стороны, традиционно брались за занятия, например сбор налогов, которые вызывали у населения негативные чувства, с другой — власти часто использовали евреев в роли «козлов отпущения». Результаты этого исследования использовались затем в социальном анализе для объяснения того, почему нацисты именно евреев выбрали с целью ограбления, канализации ненависти и других переживаний неполноценности, противопоставления арийских ценностей неарийским. В работе Питера Грина есть план экономического анализа (захват отцом Александра Македонского, Филиппом, золотых рудников, аналогично захват самим Александром богатств и земель персов; щедрая оплата македонских воинов и наемников, материальная поддержка греческих полисов). Этот анализ позволяет понять, почему полисы и греческие воины поддерживали походы Александра Македонского и его самого. Получается, что экономический анализ работает на социально-психологическое исследование. Не буду продолжать примеры, думаю, мысль понятна: многие монодисциплинарные анализы связаны между собой, задавая условия друг для друга. В плане логики междисциплинарного исследования это означает, что одни монодисциплинарные исследования детерминированы другими (в отношении постановки задач, начальных условий, требований к продуктам исследования и т.п.).

Когда этот момент был осознан, то начиная с работ Платона и Аристотеля монодисциплинарные исследования в рамках междисциплинарных стали сознательно согласовываться друг с другом, во-первых, на предмет снятия противоречий, во-вторых, с целью выстраивания целого [Розин, 2014: 71–78]. Как правило, работа по согласованию монодисциплинарных исследований и их результатов исследователями не показывается, она относится к «кухне мышления». Вот и в наших трех междисциплинарных исследованиях, чтобы эту работу увидеть, необходима специальная реконструкция. Но и без нее, особенно в работах Баумана и Питера Грина, трудно сомневаться, что такая работы была проделана, поскольку не видно противоречий и просматривается конструкция целого.

Особенности конфигурирования результатов монодисциплинарных исследований и задания целого

Спросим еще раз: какой объект изучает Бауман или Грин? Кажется, ответ очевидный — холокост и походы Александра Македонско-

го. Но ведь это не объекты в научном понимании, а явления, причем исследователи по поводу этих явлений решают не одну задачу, а несколько разных (например, Грин старается, с одной стороны, понять причины успехов Александра, а с другой — объяснить, почему все-таки армия перестала поддерживать Александра; хочет Грин охарактеризовать и личность Александра, а также понять его взаимоотношения с греческими полисами). Соответственно задачам и отдельным монодисциплинарным исследованиям в работах Баумана, Латура и Питера Грина создается много разных объектов. При этом непонятно, можно ли говорить, например, о холокосте как едином объекте и чем задаются его границы. Нужно ли в этот объект включать традицию рассматривать евреев как козлов отпущения, слабость немецкой демократии или сосредоточение власти в руках одного человека, о чем пишет Бауман, или эти моменты — всего лишь внешние условия холокоста? Более общий вопрос, каким образом ученые, ведущие междисциплинарные исследования, выходят на целое, включающее все эти объекты, и что оно собой представляет? Зная целое, они могут выявлять закономерности, если же не вышли на него, то непонятно, что собой представляют полученные знания, каков их эпистемический статус.

Известно, существуют мыслительные стратегии, помогающие выйти на целое и конфигурировать (синтезировать) результаты монодисциплинарных исследований. Это методологические соображения, системный подход, синергетика, холистический анализ, методологическая стратегия конфигурирования, учение о сложности и ряд других. Но если говорить о стратегии сборки целого, заданного обычно несколькими предметами (например, в «Критике чистого разума» Канта разум представлен посредством многих предметов — явления, вещи в себе, созерцание, мышление, рассудок, схематизм мышления, трансцендентальный субъект и пр.), то можно указать на два противоположных подхода — онтологический и конструктивистский. Первый был намечен еще Парменидом, утверждавшим, что бытие едино и целостно (он писал: «Бытие там или здесь: оно везде нерушимо, // Всюду равно себе...»⁴).

Здесь синтез знаний подразумевает понимание реальности как целостного бытия. У Аристотеля она уже задается в «Метафизике» именно как онтология, гомогенность которой обусловлена родовидовыми отношениями. В «Критике чистого разума» Кант приписывает разуму «систематическое единство», а в качестве регулятивного принципа деятельность самого Творца. В работах Г.П. Щедровицкого, относящихся ко второму этапу развития «Московского методоло-

⁴ Подстрочник из в издании [Эллинские поэты, 1999]. Там же сноска: «Парменид из Элеи в Южной Италии (конец VI — начало V в. (ок. 540—470? ок. 520—450?). Его поэма «О природе» (в которой он называет себя «юноша», фр. 1.24) соответственно написана, видимо, в самом начале V в.

гического кружка», в качестве онтологии выступает деятельность, которая трактуется как система. Другими словами, в этой линии развития философии сборка целого мыслится как задание гомогенной онтологии. Другое дело, что последовательно до конца провести эту стратегию никогда не удавалось. Действительно, например, в «Критике чистого разума» разум задается не только как система («систематическое единство», целое), но и как набор самостоятельных предметов. Причем Кант в данном вопросе принципиален, он отказывается сводить одни предметы к другим или же рассматривать их в рамках одной онтологии, т.е. ему вполне удобно «сидеть на двух стульях».

Конструктивистская стратегия, на мой взгляд, идет от Платона. Показывая в «Пармениде», что «единое есть многое», говоря в седьмом письме о «взаимной проверке — имени определением, видимых образов — ощущениями», Платон обращает внимание на ту особенность своей работы, которую в наше время можно понять, обращаясь к системному подходу⁵. Но сам Платон здесь говорит о диалектике, имея в виду то, что он строит схемы, разрешая свои основные проблемы («возводя к единой идее то, что повсюду разрозненно»), добываясь, как он пишет, непротиворечивости знания, а фактически приписывая содержанию реальности, заданной в отдельных схемах, такие характеристики, которые могут быть согласованы между собой и тем самым задают единую непротиворечивую реальность. Но эта реальность у Платона — не онтологическая реальность, а реальность, как он говорит, «души». Это можно понять следующим образом: Платон хочет сказать, что *сборка разных предметов осуществляется мыслящим, а не существует заранее в реальности, противостоящей ему.*

С точки зрения этой стратегии целое не предзадано явлением, оно выявляется и строится в самом процессе междисциплинарного исследования. Целое обусловлено, во-первых, задачами, которые решает исследователь, во-вторых, приемами конфигурирования (синтеза) результатов монодисциплинарных исследований, в-третьих, ощущением предмета мысли, вклад в который делают и факты и проблемы, которые формулируют участники дискуссии.

Если принять указанное различие онтологической и конструктивной стратегий сборки целого, то приходится переосмыслить понимание предельных онтологий типа «ризомы», «диспозитив», «слож-

⁵ «Для каждого из существующих предметов, — пишет Платон в седьмом письме, — есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание... Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах... Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [Платон, 1994: 493–494, 496].

ность», «саморазвивающиеся системы». Обычно они трактуются именно как онтологии. Но фактически это онтологии только по установке, реально же (т.е. если считать, что вторая стратегия более верно отражает реальную работу мышления) эти представления вводятся как раз с целью запрета первой стратегии. Именно поэтому ни Канту, ни Щедровицкому не удастся ее последовательно провести. Вот, например, что пишет Ж.Т. Делез, характеризуя ризому: она — не единое и не многое, а множества; ризома не начинается и не заканчивается, она всегда посреди, между вещей, меж-бытие, интермеццо; она не выводима из Одного и не добавляется к Одному; ризома сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений, у нее нет ни начала, ни конца, но всегда — середина, из которой она растет и выходит из берегов, она конституирует линейные множества с n измерениями без субъекта и объекта; ризома должна быть произведена, сконструирована, всегда демонтируема, связуема, пересматриваема, модифицируема [Делез, Гваттари, 2010]. Я думаю, никакие биологические аналогии в форме ризомы-корневища не могут помочь нам в понимании реальности Делеза в качестве онтологии, но становятся вполне понятными, если мы помыслим ризому как стратегию сборки мыслящим многопредметной реальности. Конечно, Делез думает, что он задает предельную онтологию, но лучше его работу понимать иначе, а именно, как отказ от онтологической стратегии в пользу конструктивистской.

Лично я вышел на конструктивистскую стратегию сборки целого, осмысляя (реконструируя) явления техники, науки, любви, мышления. Но называл я эту стратегию «соотносительным и топическим анализом». На мой взгляд, соотносительный анализ выражает новый подход к изучению перечисленных популяционных сложных объектов — *одновременное рассмотрение сторон («топов») этих объектов*. В соотносительном анализе мы в процессе реконструкции нащупываем нужные нам топы, уточняя одновременно процедуры реконструкции. Вот, например, анализ топов социальности. Мои исследования позволяют говорить о пяти топах диспозитива социальности (*от древнегреческого τόπος — букв. «место», перен. «тема», «аргумент»*)⁶:

- ◆ *первый топ* — способ (подход, ценности, рамка) конституирования социальности исследователем;
- ◆ *второй* — описание (анализ) направляемых и спонтанных социальных трансформаций;

⁶ Диспозитив, по М. Фуко, это гетерогенное идеальное теоретическое построение, задающее изучаемое явление и ориентированное на разрешение определенных проблем.

♦ *третий* — характеристика взаимодействий субъектов социального действия, к которым относятся общество, власть, сообщества, индивиды и личности;

♦ *четвертый* — задание и характеристики социального действия, позволяющего направлять процесс социальной трансформации;

♦ *пятый топ* — истолкование социальности как своеобразного организма.

Что я понимаю под топом социальности? Определенный срез (план) социальности, с одной стороны, с точки зрения изучения выступающими как самостоятельная реальность, с другой — тесно связанный с другими топами, выступающие как необходимые условия существования данного топа. Хотя диспозитив социальности включает описание всех пяти топов, которые задают социальность как целое, тем не менее отдельные топы могут рассматриваться самостоятельно, как обладающие специфической логикой событий. Их связь с другими топами обнаруживается явно на следующем шаге построения диспозитива при переходе к описанию этих топов; неявно она должна быть задана в строении топа.

Сказанное можно проиллюстрировать на материале анализа книги Баумана. Топами в данном случае являются:

♦ *первый* — ценности и методология изучения холокоста, конкретно те представления, которые обусловили в его исследовании природу холокоста как социального феномена. Так Бауман стремился реализовать культурно-исторический взгляд; рассмотреть холокост как идеально-типическое построение (по М. Веберу); отчасти понять механизм становления этой страшной реальности, т.е. провести в своем изучении ослабленный вариант естественно-научного подхода (ослабленный потому, что не было ни применения математики, ни построения эксперимента); критикуя традиционную социологию и намечая новое понимание социальной реальности, он реализует и философско-методологический подход; наконец, налицо его гуманитарные пристрастия;

♦ *второй топ* — процесс становления и функционирования холокоста. Этот процесс был запущен нацистскими посылками (программами и проектами) и включал в себя ряд событий: захват нацистами власти, создание социальной технологии окончательного решения еврейского вопроса, а также других нацистских технологий (развертывание армии, идеологии и судопроизводства, воспитание молодежи и пр.), построение новых институтов, обеспечивающих воспроизводство данных технологий. Речь идет о социальной трансформации, в результате которой сложился новый тип социальности, характерный для третьего рейха;

◆ *третий топ* — анализ взаимоотношений, складывающихся между нацистской элитой, немецким обществом, профессиональными сообществами, евреями и другими этносами, подвергавшимися геноциду, народами, которые считались союзниками Германии или его врагами. Например, сначала немецкое общество было напугано еврейскими погромами и нарушением Гитлером международных прав и в этом смысле не поддерживало его, но потом нацистской элите с помощью немецкой бюрократии и судейского корпуса, а также выполнения обещаний порядка и более обеспеченной жизни удалось склонить общество поддержать политику Гитлера;

◆ *четвертый топ* — сложная система управления социальными нововведениями, которую создало нацистское государство (этот топ Бауман фактически не рассматривал, но в других исследованиях нацизма он анализировался);

◆ *пятый топ* — характеристика становления и функционирования нацистского государства и общества в качестве социального организма. Для внутренней среды третьего рейха было характерно создание согласованных социальных институтов, обеспечивающих решение поставленных Гитлером задач, для внешней — завоевание или уничтожение других народов. Но Гитлер не учел ни общей экономической мощи его противников, превосходящей немецкие возможности, ни быстро возрастающего сопротивления его армиям, ни слабости и античеловечности самих идей, предлагаемых нацистами миру. В результате ему не удалось реализовать свою программу, а Германия была разгромлена, т.е. нацистский социальный организм не смог выжить в борьбе с социальными организмами СССР и Запада.

Здесь, естественно, может быть задан такой вопрос: а каким образом можно не помыслить, а увидеть объект, заданный топами. Ну, во-первых, мы редко видим сложные теоретические объекты, во-вторых, что значит видеть, скажем, систему, или ризому, или диспозитив. Да, для «чайников» (не в уничижительном смысле) философ или ученый вводит пояснения в форме специальных образов. Например, у Аристотеля категории формы и материи поясняются с помощью образа воска и печати, Делез использует для целей понимания образ ризомы-корневища. Но это именно поясняющие образы, которые нельзя отождествлять с соответствующими понятиями; если же последнее происходит, мы имеем дело с незаконной редукцией.

Второй вопрос нашего оппонента: мало ли каким образом мыслящий собрал целое, нужно ведь еще убедиться, что эта сборка правильная. Какие здесь критерии? Для сборки в естественных науках, где изучаемые феномены реально существуют, в качестве такого критерия можно назвать «моделесообразность». Сконструированный и скорректированный в эксперименте сложный идеальный объект (система, диспозитив) может быть рассмотрен как модель изучаемого

природного явления. Однако в гуманитарных и социальных науках ситуация другая.

Здесь часто философское или научное познание только открывает процесс становления гуманитарного или социального явления. Чтобы оно стало реальностью, нужен еще этап формирования новой практики. Например, первоначально платоническая любовь существовала только в тексте «Пира» как виртуальное явление. Затем она стала практиковаться некоторыми греками и постепенно сложилась реальная платоническая любовь. Уже в конце античности ее начинают изучать, поскольку появились несколько вариантов платонической любви (к прекрасным юношам, к своей супруге в семье, как образ жизни философа и др.). Таким образом, для гуманитарных и социальных наук критерий правильности сборки более сложный: это и методологические соображения, и последующая практика использования сконструированных идеальных построений.

Эпистемический статус знаний междисциплинарных исследований

Первое, что здесь приходится утверждать, но что, впрочем, достаточно естественно, — в междисциплинарных исследованиях мы можем выявить несколько типов знаний. Основные из них: «эмпирические», «теоретические», «дискурсивные» и «схемные».

Самые понятные и достаточно традиционные первые два типа. Эмпирические знания, например описания известных событий и факты (скажем, биография и характеристика походов Александра Македонского, точно установленные действия нацистов, примеры посредников у Латура), тоже, конечно, предполагают интерпретации (как известно, «факты теоретически нагружены»), но они все же получены при описании реальных явлений. Например, как бы не толковать «хрустальную ночь», но это знание фиксирует реально имевший место еврейский погром во всей нацистской Германии и части Австрии 9–10 ноября 1938 г. Другое дело, кто его организовал, с какими целями, были ли достигнуты результаты, нужные нацистам, — эти и многие другие вопросы истолковываются историками и политиками по-разному. Эмпирические знания потому и называются эмпирическими, что они должны сохранять связь с явлениями (фактами), описывая их по возможности адекватно. Хотя понятно, что критерии адекватности устанавливает исследователь и они зависят, в том числе, как и отмечалось, от задач и концепций.

Теоретические знания описывают уже не реальные явления, а идеальные объекты, создаваемые в той или иной теории. Например, Бауман получает ряд теоретических знаний о холокосте, используя

классическую веберовскую теорию рациональности. Латур использует феноменологическую концепцию в духе Делеза. Теоретические знания получаются при подведении интересующего исследователя случая под понятия, фиксирующие особенности идеальных объектов. Например, действия нацистских чиновников подводятся под понятие «рациональность», посредники как эмпирически наблюдаемые явления — под феноменологические понятия «складки», «связи», «сети». «А что, — восклицает Латур, — если запретить любой разрыв, допустить только сгиб, растягивание и сжатие? Не сможем ли мы тогда непрерывно перейти от локального взаимодействия к множеству делегирующих акторов? Отправная точка и все точки, признанные в качестве ее источника, тогда окажутся рядом с друг другом, а связи и складки станут видимыми» [Латур, 2014: 244].

Сложнее пояснить, что такое дискурсивные знания. Их примером являются следующие знания, объясняющие феномен холокоста, полученные Бауманом.

- ◆ Уникальное стечение ряда обстоятельств.
- ◆ Подавление общества государством, управляемым пассионарной фашистской элитой.
- ◆ Слабость («недоразвитость») немецкой демократии.
- ◆ Создание эффективной социальной машины и институтов подавления и уничтожения евреев и других нежелательных элементов.
- ◆ Перерождение личности и нравственности немцев, живущих в социальных условиях третьего рейха.

Эти знания получены не в рамках определенной теории, а в ходе сложных рассуждений и конфигурирования результатов разных междисциплинарных исследований. Эпистемологический источник этих знаний — междисциплинарные дискурсы, некоторые особенности которых мы рассмотрели выше.

Название «схемные» говорит само за себя: это знания, полученные на схемах, описывающие их. Например, представление о посредниках не только идеальный объект, но и схема. Она получена при решении ряда проблем (объяснения социальной факта поставы, эмпирического прослеживания социальных связей) и задает новую реальность (опосредующих связей и отношений). Примером схемы является и представление Баумана о социальной технологизации: оно позволяет понять логику социальной трансформации, задавая одновременно технологическое понимание социальной реальности⁷.

Собственно говоря, построение всех типов знаний опирается на процесс схематизации, поскольку любое исследование, и междисциплинарное в том числе, представляет собой решение определенных

⁷ Выделение соответствующих типов знания осуществляется мною на основе известных мне эпистемических образцов и типов знаний и предполагает реконструкцию.

проблем и задач и предполагает необходимое для этого видение реальности. Другое дело, что во многих случаях схемы опускаются или им не придается значения, а исследователь на основе схем строит идеальные объекты и относящиеся к ним знания, которые он и считает продуктом научного познания. Кроме того, нередко он имеет интенцию на построение теории (теоретическое объяснение), т.е. по идее должен был бы создавать идеальные объекты в рамках определенной онтологии. Но, как отмечалось выше, дело часто заканчивается только интенцией, так как не выполняются многие необходимые требования (если смотреть с точки зрения идеалов развитой научной дисциплины), или другой вариант — необходимая онтология еще не существует (не построена).

Если внутри междисциплинарных исследований строятся идеальные объекты и относящиеся к ним знания, то за их пределами в различных социальных практиках (политике, социальной технологии, образовании и др.) можно говорить только о схемах и схемных знаниях. Например, указанные выше дискурсивные знания Баумана, когда их начинают использовать в социальных практиках, могут быть осмыслены только в роли схем и схемных знаний. Другими словами, стоит, скажем, различать «слабость демократии» как дискурсивное знание (внутри книги Баумана) и «слабость демократии» как схемное знание в политике или образовании. Соответственно «слабость демократии» — идеальный объект в книге «Актуальность холокоста» и в то же время схема, если этим представлением оперирует политик или педагог.

Еще один вопрос, относящийся к данной теме, — оценка междисциплинарных знаний на истинность или эффективность. На истинность или ложность могут быть квалифицированы эмпирические и теоретические знания (например, факты о жизни и походах Александра Македонского в книге Грина могут быть подтверждены другими историческими знаниями и исследованиями; знания о рациональности действий нацистских чиновников могут быть проверены в рамках веберовской теории социального действия). Понятно, что за пределами книг Баумана, Латура и Питера Грина в социальных практиках те же самые знания должны быть оценены уже не на истинность, а на эффективность.

Дискурсивные знания труднее оценить на истинность, поскольку за ними стоят определенные концепции. Тем не менее, проецируя их на другие похожие случаи (например, геноцида в других странах), можно судить, насколько эти знания в плане вероятности правильны.

В социальных практиках все типы знаний могут быть оценены только на эффективность. В случае теоретических, дискурсивных и схемных знаний эффективность характеризуется такими понятиями, как популярность, привлекательность, значимость, научность.

Библиографический список

- Бауман, 2010 — *Бауман З.* Актуальность холокоста. М. : Европа, 2010. 316 с.
- Грин, 2003 — *Грин П.* Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М. : Центрполиграф МП, 2003. 301с.
- Делез, Гваттари, 2010 — *Делез Ж., Гваттари Ф.* Введение: ризома // Капитализм и шизофрения. Кн. 2. Тысяча плато. М. : Астрель, 2010. С. 6–45.
- Кант, 1964 — *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. В 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964.
- Латур, 2014 — *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию ; пер. с англ. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- Огурцов, 2012 — *Огурцов А.П.* Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости // Методология науки и антропология ; отв.ред. О.И. Генисаретский, А.П. Огурцов. М. : ИФРАН, 2012. 287 с.
- Платон, 1993 — *Платон.* Федр // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 227–279.
- Платон, 1994 — *Платон.* Седьмое письмо // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1994. С. 475–504.
- Розин, 2008 — *Розин В.М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М., 2008. 208 с.
- Розин, 2011 — *Розин В.М.* Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке. М., 2011. 496 с.
- Розин, 2014 — *Розин В.М.* Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. М., 2014. 368 с.
- Розин, 2007 — *Розин В.М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. Гл. 6. М., 2007. 600 с.
- Розин, 2006 — *Розин В.М.* Становление психоанализа в творчестве Зигмунда Фрейда и Анны Фрейд // Философские науки . 2006. № 12 . С. 13–33.
- Розин, 2014 — *Розин В.М.* Пир Платона. Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М., 2014. 200 с.
- Эллинские поэты, 1999 — *Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э.* М., 1999. 532 с.

References

- Bauman Z. *Aktual'nost' holokosta* (The relevance of the Holocaust), Moscow, 2010. 316 p.
- Grin P. *Aleksandr Makedonskij. Car' chetyrekh storon sveta* (King of the four cardinal points), Moscow, 2003. 224 p.
- Delez ZH., Gvattari F. Vvedenie: rizoma. *Kapitalizm i shizofreniya*. Кн. 2. *Ty-syacha plato* (Introduction: Rhizome. Capitalism and Schizophrenia. Book 2. A Thousand Plateaus, Moscow, 2010, pp. 1–38.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma. Soch.* (Critique of Pure Reason), v. 6, t. 3, Moscow, 1964, pp. 68–756.
- Latur B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Per. s ang. I. Polonskoj (Rebuilding Social: An Introduction to Actor-network theory, trans. from English. I. Polonskoy), Moscow, 2014. 384 p.
- Ogurcov A.P. *Geneticheskaya metodologiya i perekhod ot individual'noj innovatsii k ee obshchezna-chimosti* (Genetic methodology and the transition from in-

dividual innovations to its validity). *Metodologiya nauki i antropologiya* (Methodology of Science and Anthropology). Moscow, 2012. 287 p.

Platon. Fedr (Phaedrus). *Sobr. soch.* Coll. op. 4 t. T. 2. Moscow, 1993, pp. 227–279.

Platon. Sed'moe pis'mo (Plato seventh letter). *Sob. op.* 4 t., t. 4, Moscow, 1994, pp. 475–504.

Rozin V.M. *Osobennosti diskursa i obrazcy issledovaniya v gumanitarnoy nauke* (Features discourse and patterns of research in the humanities), Moscow, 2008, 208 p.

Rozin V.M. *Nauchnye issledovaniya i skhemy v Moskovskom metodologicheskom kruzhke* (Research and schemes in the Moscow methodological circle.), Moscow, 2011, 496 p.

Rozin V.M. *Myshlenie: sushchnost' i razvitie. Konceptii myshleniya. Rol' myslyashchej lichnosti. Cikly razvitiya myshleniya* (Thinking: the nature and development. Concept of thinking. The role of the thinking personality. Cycles of thinking), Moscow, 2014, 368 p.

Rozin V.M. *Nauka: proiskhozhdenie, razvitie, tipologiya, novaya konceptualizaciya. Glava shestaya* (Science: origin, development, typology, a new conceptualization. Chapter Six), Moscow, 2007, 600 p.

Rozin V.M. Stanovlenie psihoanaliza v tvorchestve Zigmunda Frejda i Anny Frejd (Formation of psychoanalysis in the work of Sigmund Freud and Anna Freud). *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences), 2006, no. 12, pp. 13–33.

Rozin V.M. *Pir Platona. Novaya rekonstrukciya i nekotorye reminiscencii v filosofii i kul'ture* (Feast of Plato. New reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture). Moscow, 2014. 200 p.

EHllinskie poehty VIII—III vv. do n. eh. (Hellenic poets VIII–III centuries. BC), Moscow, 1999, 532 p.